

К ИСТОРИИ НОВОТОРЖСКИХ МУЗЕЕВ

Новоторжский уезд¹ был богат старинными дворянскими усадьбами, каждая из которых могла бы вспомнить интереснейшие эпизоды отечественной истории, замечательных людей, деятелей русской культуры, литературы, земства: “Мекка русской интеллигенции” – “Прямухино” Бакуниных, “Никольское”, “Арпачево”, “Митино”, “Василёво” Львовых, “Грузины” Полторацких, “Знаменское-Раек” Глебовых-Стрешневых, “Выставка” Олениных, “Машук” Петрункевичей, “Таложня” Всеволожских.

После Октябрьской революции, в результате отмены частной собственности и национализации земли, дворянские гнезда оказались без хозяев, стали “достоянием народа”.

В условиях гражданской войны, может быть, единственным путем спасения находившихся в усадьбах художественных и культурных ценностей был вывоз их в уездные и губернские центры, где на базе этих коллекций организовывались музеи. В эти годы были созданы музеи и в Торжке.

В Государственном архиве Тверской области хранятся годовые отчеты, докладные записки, переписка новоторжских музеев данного времени (до 1936 г.). На основании этих документов мне удалось установить даты создания музеев в Торжке, выяснить их судьбу, имена сотрудников. Я пыталась использовать всю известную мне историографию по данному вопросу², чтобы дополнить сухой материал отчетов и деловой переписки. Заведующий Новоторжским РОНО в 1918 г. Ф.В.Бадюлин³ вспоминал: “Мысль об использовании всех культурных богатств, находящихся в уезде, возникла в отделе еще весной”⁴. А.А.Крутиков⁵ дополняет: “В одну из встреч с Панфиловым⁶ мною было внесено предложение об организации местного музея, который бы сосредоточил все исторически ценное из “дворянских гнезд”… Он посоветовал обратиться к Ф.Бадюлину и обещал поддержать. Бадюлин вопрос решил быстро. Музей обосновался в особняке бывшего буржуа Смолина”⁷.

Несколько документов о том, как освобождался особняк Ефрема Смолина. 20 августа 1918 г. Ф.Панфилов пишет: “Гражданин Смолин, предлагается Вам в трехдневный срок по получению сего очистить занимаемый Вами дом по Ивановской улице и предоставить его для нужд исторического музея”⁸. 22 августа Е.Смолин пишет в Исполком прошение: “Имею честь покорнейше просить

Исполнительный комитет принял во внимание нижеследующие обстоятельства: ...семья моя состоит из 19 человек, двое детей серьезно больны... Я готов понести некоторые расходы по устройству исторического музея⁹. Он же – через день: “Я вторично покорнейше прошу Комиссию пересмотреть свое постановление и избавить мою семью от необходимости очищения дома”¹⁰.

Казалось бы, непростая ситуация: 19 человек семья, двое детей серьезно больны... Трудно судить, ведь мечтает Федор Панфилов о всеобщей справедливости. Тогда, в августе 1918 г., “уже приступили к описи и перевозке в Торжок помещичьих библиотек, собирают ценности для организации музея. Приглашен специальный работник Александр Иванович Панов”¹¹. Составили список обследования имений (привожу по тексту акта)¹²: “Маievского, Каменское, Арпачевское, Вельможье, Таложенское, Митино, Петрунинича, Балавенского, Чевакинское, Селихово, Цвылевское, Бадаева, Бакунина, Коростково, Лихославль, Кувшиново, Львова (ст. Борок)”.

Первой “обследовали” усадьбу “Таложня”. Составили акт вывезенных вещей, в нем перечислены 37 картин, среди которых портреты Д.Г.Левицкого, Дж.Доу, К.Маковского, пейзажи Гогена, Дальгейма, Всеволожского, также 12 картин работы итальянской, французской, немецкой, голландской школ XVIII в., кроме того, указаны папка с гравюрами, скульптура итальянской работы, фарфор, хрусталь, мебель. “На перевоз означенных предметов потребовалось 10 подвод, за каковые уплачены по 70 руб. за каждую”¹³.

Большинство актов указывает только вид и общее количество предметов¹⁴:

“19 сентября. Селихово. Старинная посуда..., картины, – всего 77”. “24 сентября. Чевакино. Мебель, люстры, канделябры, плетательница красного дерева, картины, писанные маслом, – 5, гравюры – 8”. “1 октября. Каменское. Раковина, портрет в золоченой раме, вазы, уланская каска, эполеты, мебель”. От Балавенских – “рога, камни морские – 8, тарелки деревянные – 4, бюсты гипсовые – 5, барельефы – 2, картины – 24. Крышка стола с каменной инкрустацией. Клык неизвестного зверя”.

В отчете представлены только эти имения, их успели “обследовать” к намеченной дате открытия музея – 5 ноября. В этот день в 3 часа дня в Торжке проходило торжественное заседание, посвященное открытию музея, которое постановило: открыть музей с 5.11.1918 г. Присвоить ему звание “Художественно-исторического музея в память Рабоче-крестьянской революции 25 октября 1917 г.”

Утвердили смету, приняли Устав. Все собранное имущество объявили собственностью музея. Приняли правила для посетителей. Вот некоторые из них:

“...2. Воспрещается трогать и передвигать выставленные предметы, а также касаться руками картин.

3. Строго воспрещается курить и плевать на пол.

4. Воспрещается садиться на выставленную в музее мебель.

5. Посетителей просят при каждом посещении отмечаться в книге посетителей”¹⁵.

Музей открыли. Стали срочно искать для него сотрудника. Такой человек нашелся. А.Крутиков вспоминал: “Возвращаясь из командировки в с. Прямухино, на железнодорожной станции в ожидании поезда познакомился с мужчиной, который ехал в Торжок подыскивать работу. Незнакомец был Петр Степанович Воронцов – местный человек, художник. Будучи беспартийным, работал добровolestno”¹⁶. С марта 1919 г. он стал заведующим Художественно-историческим музеем Торжка и проработал в течение 13 лет.

Из анкеты П.С.Воронцова: “Родился в 1881 г. в Мошковской волости Новоторжского уезда... Своим трудом живу с 1905 г. В 1912 г. окончил Петроградскую рисовальную школу общества поощрения художников и частную школу рисования академии Дмитриева-Кавказского. С 1914 г. по 1918 г. – на фронте. 1918 г. – преподаватель ИЗО в Пролеткульте. Женат. По совместительству состою преподавателем ИЗО в педтехникуме, кустарной школе, железнодорожной школе. Беспартийный. Сочувствую компартии и ее борьбе за социализм”¹⁷. Из статьи Н.Елоховского о Воронцове: “Талантливый художник-иллюстратор, донельзя скромный”¹⁸. Из воспоминаний учащихся педтехникума: “Большое участие в постановке опер принимал учитель рисования Петр Степанович Воронцов”¹⁹. Из воспоминаний Льва Васильевича Андреева (Воронцов был дружен с его семьей): “Небольшого роста, полный, с усами, в пенсне, добрый, обидчивый”.

Летом 1919 г. П.С.Воронцов вошел в комиссию по созданию второго музея в Торжке – Музея местного края. Одним из главных организаторов музея, первым его заведующим стал Николай Николаевич Андреев²⁰ – уроженец г. Торжка, человек широко образованный, в то время он занимал должность инспектора и лектора отдела народного образования. О себе писал: “Окончил училищную семинарию, заграничный университет, состоял 18 лет сельским учителем”²¹.

В ноябре 1919 г., ко второй годовщине революции, открыли Музей местного края. Располагался он в каменном одноэтажном

здании с мезонином на улице Луначарского (дом Елизаветы Штансковской). Хозяйку еще в 1918 г. переселили в баньку на той же улице, через несколько домов. Старожилы помнят высокую старуху, которая с козами и кошками жила в той баньке до 60-х годов.

Музей местного края торжественно открыли, но посетителей он принял лишь через полтора года – 1 февраля 1921 г.: необходимо было систематизировать материал, создать экспозиции, не было ни дров, ни керосина, зимой в здании невозможно было работать.

В отчете музея за 1921 г. сотрудниками числятся: заведующий – Н.Н.Андреев, инструктор – И.В.Арзамасцев (окончил учительскую семинарию, 25 лет состоял учителем начальной школы), научный сотрудник – Владимир Филиппович Ярополов (личность колоритная: строитель, этнограф, музыкoved, писатель, археолог. Составил карту курганов Новоторжского уезда)²².

В музее были созданы две секции: естественно-научная и историко-археологическая. Оборудовали тематические залы: экономический с диаграммами, таблицами и естественно-научный, где представили чучела зверей и птиц, коллекцию окаменелостей, гербарии. Создали небольшую экспозицию, посвященную памяти революционера-анархиста Михаила Александровича Бакунина. В ней были представлены “несколько портретов, книги с собственноручными подписями М.Бакунина, книги с автографами Станкевича, Белинского”²³. При музее создали библиотеку, в которой находилось более 4 тыс. старинных книг, карт, брошюр. В фондах ВИЭМ опись этой библиотеки фрагментарно сохранилась с № 710 по № 2503²⁴.

Губернский отдел народного образования, в ведении которого находились тогда музеи, в 1921 г. отмечал: “По качеству и количеству экспонатов и общей оборудованности на первом месте стоят музеи Торжка, Осташкова и Кашина”²⁵. В Торжке в то время было два действующих музея. Была в городе и Музейная улица (бывшая Ивановская), на которой находился Художественно-исторический музей. К тому времени были проведены повторные обследования усадеб, в результате которых пополнились фонды Художественного музея, по описи числилось: произведений живописи – 116, гравюр,repidукций – 65, скульптур – 19, фарфора, керамики – 2000, мебели – 122 предмета, старинных вышивок – 67, икон – 6, оружия – 15²⁶. Н.Елоховский писал о музейной коллекции фарфора: “...вещицы, которые трудно даже оценить, до того они редкостны, художественно изящны. С золотом, эмалью, инкрустацией фабрик Мейссена, Веджвуда, Гарднера, Давенпорта, Попова, Ауэрбаха”²⁷.

У Воронцова появился помощник – инструктор Петр Платонович Байков – антиквар. Условия работы оставались тяжелыми: “Зимой за отсутствием дров музей не отапливается, керосин почти отсутствует. Охрана – один сторож и заведующий, который живет в одной из комнат верхнего этажа. Никакого оружия для охраны нет”²⁸, – писал в отчете П.Воронцов. Несмотря на все лишения, при двух музеях в Торжке состояло пять научных сотрудников и появилась должность заведующего по охране памятников старины и собиранию архива. Ее исполнял человек не случайный – бывший священник Петр Постников. Краевед Николай Светушков рассказывал в дневнике, как монахи Борисоглебского монастыря продавали на обертку документы. Постников скупил у монахов связки бумаг, среди которых оказались документы XVIII в.

Прошел год. Окончилась гражданская война. В 1922 г. в Новоторжский отдел народного образования пришло указание: “...ликвидировать уездные комитеты по охране памятников, и их функции передать сотрудникам уездных музеев”²⁹. Это был первый удар – сократили П.Постникова. В том же году сократили еще троих сотрудников музеев. В Музее местного края остался один И.В.Арзамасцев, в Художественно-историческом музее – только П.С.Воронцов.

В 1922 г. пополнились фонды музеев: в Художественно-исторический музей поступили две большие иконы работы XVII в. (дар инокини Марфы Воскресенскому монастырю), в Музей местного края были переданы от коммунального отдела: Писцовая книга Потапа Нарбекова 1625 г. (подлинник), Городовое положение с царской печатью, крест восьмиконечный, вложенный в деревянный футляр со стеклянным верхом, рукописные старинные грамоты Воскресенского женского монастыря³⁰.

Тогда же в музеях была введена плата, посещаемость резко упала. Стارаясь привлечь ребят, П.Воронцов вел художественный кружок при музее. Члены кружка – М.Сергеев, М.Вихрева, П.Петров, Тимофеев, Ермолова – представили свои живописные работы (около ста) на выставку в Тверь³¹. Петр Степанович в 1922–1923 гг. часто бывал в районе, осмотрел и зарисовал имения “Машуки”, “Кунганово”, “Арпачёво”, “Прямухино”, “Раек”. “Художественно-исторических собраний в усадьбах не сохранилось, за небольшим исключением, – портретная галерея дома Романовых в бывшей усадьбе Дубасовых “Раек”, несколько небольших мраморных статуэток в усадьбе Петрункевича”³², – писал он в отчете.

1924-й – год реорганизации уездных музеев. Заведующая губернским комитетом по делам музеев Краскова рекомендовала:

“... В связи с выдвинутым лозунгом “лицом к деревне” заведующим уездными музеями вменено в обязанность уделять больше внимания крестьянским экскурсиям, организовывать экономические отделы, придавая им доминирующую роль над экспонатами художественного характера”³³. Реорганизация коснулась и Торжка. С 10 июля по 10 августа 1924 г. музеи в Торжке были закрыты. Музей местного края переехал на ул. Музейную. Произошло “слияние музеев”. Теснятся экспонаты в Художественно-историческом музее, да, по сути, не стало в Торжке Художественного музея. Объединенный музей стал называться Музеем местного края. Заведующим музея назначили П. С. Воронцова, а его помощником – И. В. Арзамасцева³⁴. Вскоре останется один П. С. Воронцов, “других сотрудников нет ...”³⁵, – писал он в отчете 1926 г.

Очередной план реорганизации Новоторжского музея предложила Тверь в 1929 г. Рекомендовалось пополнить экспозицию музея предметами продукции местных фабрик, кустарного производства и сельского хозяйства. Просили передать для организации картинной галереи портреты Боровиковского, также портреты работы Кайзера, Дезарио. Передачу указанных картин обещали компенсировать из запасников Тверского музея предметами крестьянского быта и кустарных промыслов³⁶. “Равноценный” обмен – работы Боровиковского на крестьянскую утварь из запасников! И снова настойчивые методические рекомендации: “Основным принципом должен быть производственный или “трудовой” принцип. Особое внимание следует уделять современной экономике”³⁷.

От музея требовался вклад в дело индустриализации, предписано сдать Рудметторгу металлические экспонаты. Петр Степанович написал в Главнауку, прося разрешения не сдавать восемь небольших пушечек и осветительные приборы. Разрешили оставить.

В 1929 г. в Торжке проводилась кампания по закрытию церквей. Воронцов писал: “Позволю себе напомнить Горсовету о необходимости при ликвидации церквей привлекать к работе, хотя бы для дачи точной информации, музейных сотрудников”. Иконы подчас просто ломали и жгли. “Имеются очень ценные древние иконы, материальная стоимость которых исчисляется тысячами рублей”³⁸. И опять – Горсовету: “Церкви и соборные здания, состоящие на учете Главнауки..., не могут быть разрушены или изменены хотя бы частично перестройками, пристройками”³⁹.

1931 г. – очередной этап закрытия церквей. В апреле из Москвы приезжает искусствовед. Была создана комиссия по оценке художественно значимых икон. “Из закрытых церквей иконы, сто-

ящие на учете в Главнауке, переданы в местный музей, из них 4 взяты в Государственную Третьяковскую галерею”⁴⁰. Они и сейчас находятся в собрании Третьяковки: “Никита с бесом и житие Никиты” (первая четверть XVI в.), “Одигитрия, Богоматерь Смоленская” (конец XVI в.), “Спас в силах” (середина XVI в.), “Воскресение” (XVI в.).

В 1931 г. осталось в Торжке шесть действующих церквей из сорока. Городские власти настойчиво предлагают Воронцову перевести музей из особняка Смолина в любую из закрывшихся церквей, например в Борисоглебский монастырь. 10 октября 1931 г. Петр Степанович подает заявление в Президиум Новоторжского исполнкома: “В Борисоглебском соборе и Надвратной церкви музей не может быть размещен ввиду их непригодности, не решен вопрос охраны музейного имущества, близко к земле окна, недостаток света, сырость – что приведет к гибели музейных экспонатов... Переброс музей в непригодное здание заставит меня снять всякую ответственность за ценность имущества”⁴¹. Заявление остались без внимания, и Петр Степанович “снял всякую ответственность”, – он ушел. Я не нашла его заявления об уходе, но через три месяца, в январе 1932 г., в музее уже был новый заведующий – Иван Осипович Кочановский. Ему 54 года, беспартийный, 33 года работал в школах района⁴².

С приходом Кочановского вопрос о переводе музея в другое здание на время затих, но ненадолго. В феврале 1934 г. музей вынужден был переехать в бывшую Успенскую церковь, где размещались в то время библиотека и кабинет политпросвещения. Музей занял второй и третий этажи. Когда выехала библиотека, первый этаж стал общежитием слушателей тракторных курсов. Весь художественный отдел разместился в одной комнате на третьем этаже (до 1924 г. Художественный музей занимал восемь комнат в особняке Смолина). Не стало в Торжке Музейной улицы, ее переименовали в улицу Кирова.

В музее создали историко-революционный отдел, для которого изготовили макет-панораму событий на Пресне в 1905 г., макет старой и новой деревни, макет скотного двора (с применением торфяной подстилки), витрину с вертящимся диском, иллюстрирующим динамику роста тяжелой промышленности по докладу Орджоникидзе на VII Всесоюзном Съезде Советов, выставку по культурному строительству в районе⁴³.

Июнь 1937 г. Вот уже третий год на первом этаже бывшей Успенской церкви общежитие трактористов. Кочановский отправил в президиум Исполнкома очередную докладную записку: “Об-

щежитие полностью парализует работу музея. В связи с наступающим двадцатилетием Великой Октябрьской революции, победоносные завоевания которой в области социалистического строительства отражены в экспозиции музея как политico-просветительного учреждения, нужно немедленно заставить дирекцию машинно-тракторных курсов очистить занимаемое помещение”⁴⁴. Знаменное слово – “очистить” и, удивительно, подействовало – “очистили”. Но музею это уже не помогло. В январе 1938 г. директору музея Кочановскому было предписано “в ближайшее время переслать в Калининскую областную галерею отобранные научным сотрудником Е.К. Мороз картины”⁴⁵. Повторно последовало настойчивое требование из областного центра: “На основании отношения Народного Комиссариата просвещения предлагаю Вам до 15 марта передать Калининской картинной галерее картины, не имеющие краеведческого значения. Список отобранных картин находится в Вашем ведении”⁴⁶. Картины передали. Музея не стало, ведь музей – в переводе с греческого – храм муз. Наверное, Иван Осипович тяжело переживал утрату художественной коллекции, он ушел из музея, но ненадолго. В июле 1938 г. в Торжке проверяла работу музея инспектор Предтеченская, которая отправила в областной отдел народного образования докладную с копией приказа: “О назначении тов. Кочановского директором Новоторжского музея. Тов. Варламова, исполняющего в настоящее время обязанности директора, безответственно относящегося к своим обязанностям, – снять. Кроме того, – пишет Предтеченская, – высылаю заявление о своем увольнении. Прошу музейный отдел иметь в виду, что музеи Калининской области слабо обеспечены кадрами, зданиями, и необходимо серьезное внимание уделить вопросу зарплаты”⁴⁷.

Шел 1938-й год. В ноябре, наверное, отметили 20-летие открытия первого музея в Торжке. Документов о нашем музее за 1939–1941 гг. в ГАТО нет. По воспоминаниям старожилов, перед войной директором музея была Ганина. “В октябре 1941 г. во время массированных налетов... от музея осталась только каменная коробка, а все экспонаты похищены”⁴⁸, – писал А.А. Суслов. В 1950-е годы он по крупицам будет собирать утраченное, создавать Народный краеведческий музей, но это – уже другой музей, другая история.

¹ Ныне Торжокский район.

² Крутиков А.А. Воспоминание // Летопись Торжка: Рукописный журнал Совета краеведческо-

го музея. 1968. № 1. ВИЭМ; Светушкин Н.Н. Дневник // ВИЭМ. КОФ 1709. Андреев Н.Н. Музей местного края в Торжке // Твер-

ской кооператор. 1920. № 7, 8; Некрасов Г.А. О статьях Н.Н. Андреева // Маяк коммунизма. 1989 г. 22 июля; Елоховский Н.Е. О Художественном музее // Пламя. 1923; Аверьянов А. Музей местного края в Торжке // Тверской край. 1926. № 3; Суслов А.А. К истории музея // Летопись Торжка: Рукописный журнал Совета краеведческого музея. 1969. № 2. ВИЭМ.

³ Бадюлин Федор Васильевич (1885–1921) – родился д. Б.Святцово Новоторжского уезда. Окончил городское училище, учительские курсы. В 1906–1915 гг. – сельский учитель; в 1917 г. – член Новоторжского Военревкома РКП(б); в 1918 г. – уездный комиссар народного просвещения; в 1919–1921 гг. – губернский комиссар народного просвещения; в 1921 г. при проведении проразверстки убит в Ржевском уезде. Похоронен в Торжке, на площади Революции.

⁴ Ф. 1353. О. 1. Д. 305. Л. 5–9.

⁵ Крутиков Александр Александрович (1894–1971) родился д. Упрышкино Таложенского с/с Новоторжского уезда. Окончил Новоторжскую учительскую семинарию. Участник Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. – сотрудник отдела народного образования в Торжке, член редколлегии новоторжской газеты “Пламя”; в 1920–1953 гг. – на партийной работе. С 1966 г. – активный член Совета народного краеведческого музея г. Торжка.

⁶ Панфилов Федор Дмитриевич (1881–1943) родился в с. Закомелье Сузdalского уезда Владимирской губернии. Окончил ремесленное училище. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. выслан с фронта в I коренной военно-железнодорожный парк в Торжок. Председатель Воен-

но-революционного комитета и председатель Исполкома в 1917–1918 гг. в Торжке; в 1919–1920 гг. – политработник в Красной Армии; в 1921–1926 гг. – работа во ВЦИК и Госплане РСФСР; с 1926 г. – инвалид, персональный пенсионер.

⁷ Крутиков А.А. Воспоминание.

⁸ Ф. 1318. О. 3. Д. 1. Л. 490.

⁹ Там же. Л. 522.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ф. 1353. О. 1. Д. 305. Л. 2.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 5–9.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Крутиков А.А. Воспоминание.

¹⁷ Ф. 488. О. 5. Д. 60. Л. 87–88.

¹⁸ Елоховский Н.Е. О Художественном музее.

¹⁹ Афанасьев А.А. Былое Новоторжской учительской семинарии и Новоторжского педагогического техникума. С. 11 // ВИЭМ.

²⁰ Андреев Николай Николаевич (1876–1954) родился в Торжке. Окончил городское училище. Экстерном сдал экзамены на звание учителя начальной школы. Участник социал-демократического движения в Торжке. В 1900–1905 гг. – в эмиграции в Германии, Швейцарии, Франции, где был вольнослушателем Берлинского, Лейпцигского, Страсбургского университетов. В 1919–1922 гг. – организатор и заведующий Музеем местного края; в 1923–1938 гг. – преподаватель истории и философии в вузах Ленинграда; в 1938–1940 гг. – репрессирован. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1950 г. вышел на пенсию.

²¹ Ф. 488. О. 5. Д. 29. Л. 20.

²² Там же. Д. 32. Л. 19–20 об.

²³ Там же. Д. 29. Л. 19.

- ²⁴ ВИЭМ. КОФ 390/1709(3).
- ²⁵ Ф. 488. О. 5. Д. 581. Л. 8 об.
- ²⁶ Там же. Д. 37. Л. 20.
- ²⁷ Елоховский Н.Е. О Художественном музее.
- ²⁸ Ф. 488. О. 5. Д. 37. Л. 25.
- ²⁹ Там же. Д. 32. Л. 8.
- ³⁰ Там же. Д. 29. Л. 36.
- ³¹ Там же. Д. 32. Л. 5, 11.
- ³² Там же. Д. 37. Л. 24.
- ³³ Там же. Д. 56. Л. 54–55.
- ³⁴ Там же. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Д. 65. Л. 1.
- ³⁶ Ф. 56. О. 1. Д. 68. Л. 94.
- ³⁷ Там же. Л. 95.
- ³⁸ Ф. 1382. О. 11. Д. 25. Л. 51.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. О. 1. Д. 20. Л. 46.
- ⁴¹ Там же. Л. 84.
- ⁴² Ф. 56. О. 1. Д. 103. Л. 18.
- ⁴³ Там же. Д. 112. Л. 20, 21.
- ⁴⁴ Ф. 1382. О. 1. Д. 240. Л. 10, 11.
- ⁴⁵ Ф. 1216. О. 6. Д. 476. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. Л. 9.
- ⁴⁷ Там же. Л. 71.
- ⁴⁸ Суслов А.А. К истории музея.